

VyacheslavGubochkin.ru

Дневник Вячеслава Губочкина

Вячеслав Губочкин
НЕ КОРОТКО О СЕБЕ

Санкт-Петербург

2020

Содержание

- [1. Вступление. Кто я и что я?](#)
- [2. Детство босоногое](#)
 - [2.1 Страсть к книгам](#)
 - [2.2 Шахматная бацилла](#)
 - [2.3 Школьные годы чудесные](#)
 - [2.4 Соревнование с другом](#)
- [3. Мои университеты](#)
 - [3.1 Подготовка к поступлению в ВУЗ](#)
 - [3.2 Математический антисемитизм](#)
 - [3.3 Студенческие годы](#)
 - [3.4 Второй инсайт](#)
 - [3.5 Шахматы в МГУ](#)
- [4. Тропой Ботвинника](#)
 - [4.1 Шахматы и наука](#)
 - [4.2 Уход из науки](#)
- [5. Шахматный туризм](#)
 - [5.1 Фирма «Ленвнешторг» и другие](#)
 - [5.2 Шахматы и налоги](#)
 - [5.3 Шахматный турист](#)
- [6. Так называемая личная жизнь](#)
 - [6.1 Две Лиды](#)
 - [6.2 Встреча с Прохоровыми](#)
- [7. Мы учимся, пока живы](#)
 - [7.1 Шахматный учитель компьютер](#)
 - [7.2 Развиваясь онлайн](#)

1. ВСТУПЛЕНИЕ. КТО Я И ЧТО Я?

Кто я и что я? Рано или поздно каждому приходится отвечать на эти вопросы. Чаще всего, чтобы просто как-то представиться в незнакомой компании. На каждом человеке ведь сначала надо поставить какую-то «лейбочку», метку, и профессия в этом плане – не самая худший вариант.

Он инженер? Понятно - технарь, которых много. Скорее всего, неудачник по жизни и малоинтересный человек, с которым особо не о чем говорить «широко глядящему на мир» гуманитария. Математик? Уже интереснее. Математиков готовят в престижных университетах. Они, как правило, отличаются нестандартным мышлением и недюжинным интеллектом. А то, что он после этого престижного университета занимался только инженерией - программированием и обслуживанием компьютерной техники, и по жизни вполне заурядный человек, - уже не столь важно на первых порах. Штампы правят миром.

Но человек-то един во многих лицах и, как бог Шива, многорук. На вид опустившийся человек, пьяница, может всю ночь цитировать Хайяма и Ницше и читать собственные стихи. И знакомство с ним западет тебе в душу гораздо сильнее, чем беседа с каким-нибудь композитором или литератором средней руки. И женщина вполне может предпочесть такого «оригинала», отказавшись от гораздо более выгодного, но «скучного», предложения.

Кто я? Сам-то ты о себе всё знаешь. С душой в прятки играть бесполезно. Но это касается общих экзистенциальных вопросов – вроде бессмертного «Быть или не быть?». Как я поведу себя в тех или иных обстоятельствах? Где лежит для меня грань между благородием и предательством? Что ты можешь как мужик, в конце концов? Более-менее определенно мы все-таки даем себе ответы на эти вопросы.

Раздумье на Неве, 2013 год

А вот, как ни странно, вопрос о профессии («Что я?») может оказаться не столь простым. Человек может окончить вуз по одной специальности, но всю жизнь работать по другой или даже по нескольким. У него может быть хобби, и не одно, в которых он вполне профессионал в пределах дарованного ему Богом таланта. Что же тогда «по-анкетному» определяет суть человека? Что ты сможешь сказать о себе Всевышнему, представ перед ним - пусть даже он о тебе и так всё знает?

Кто-то скажет о себе с уверенностью - типа «я по образованию химик, и всю жизнь имел дело с химией». А вот я о себе так четко сказать не могу. Да, по образованию я математик и проработал всю жизнь в сфере информационных технологий (ИТ). Сейчас на пенсии. Но ведь ареал знака Близнецов, к которому принадлежу я, славится разносторонними интересами своих обитателей! Типичные примеры – Пушкин и Петр Первый.

Я никогда не чувствовал себя в ИТ-сфере профессионалом уровня хакера. В интернет-комиксах такого рисуют вросшим в компьютерное кресло детиной с многодневной порослью на лице и в окружении пустых банок из-под пива. Во мне совмещается тяга как к техническим (в основном к компьютерным), так и к гуманитарным знаниям. Во мне сидят и трезвый рационалист, и предающийся азарту игрок. Я стал вице-чемпионом Европы по шахматам среди любителей, сыграв однажды в силу международного мастера, но до умений профессионального игрока моим все-таки далеко. Я знаю о многом, но, не обладая даром великого рассказчика, мало о чем смогу интересно рассказать. Технарь, но делаю корректорские правки текстов на уровне выпускника журфака. Не разбираюсь в красках, но занимаюсь веб-дизайном. Монтирую видео. Пишу прозу и, если надо, стихи. Что-то еще помню из высшей математики и могу понять в популярном изложении сложные математические и физические концепции. Делаю неплохие [фотопортреты](#), в конце концов.

Так «что» же я? Не знаю. Может быть, дотошный читатель, дочитавший мой мемуар до конца, мне подскажет?

2. ДЕТСТВО БОСОНОГОЕ

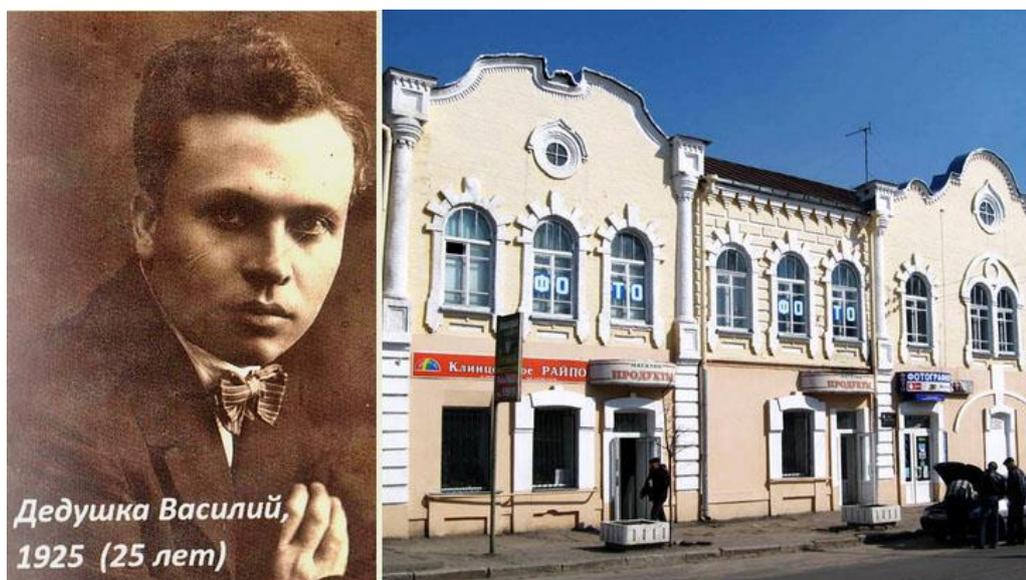
2.1 Страсть к книгам

Начну, как положено, с детства. Я родился в 1956 году в Ленинграде и сейчас живу в Санкт-Петербурге. Моя мама Галина Ивановна – ленинградка во втором поколении. В октябре 1941 года, когда ей было 11 лет, со своей мамой она выехала из блокадного Ленинграда в город Рыбинск Ярославской области. Там в 14 лет была призвана в Трудовые резервы, на авиационном заводе шлифовала детали для самолетов. В 1945

году вернулась в Ленинград, закончила финансовый техникум, поступила в Финансово-экономический институт. В 1950 году познакомилась с курсантом военно-морского училища Михаилом Губочкиным, приехавшим учиться на военного штурмана из Брянской области, моим будущим отцом. В 1953 году родители поженились.

Отец два года ходил по северным морям в составе гидрографических экспедиций, после чего у него обнаружили проблемы с сердцем. Вскоре после того, как я появился на свет, он по состоянию здоровья демобилизовался. Молодая семья ютилась в полуподвальной комнате вместе с мамой. Перспектив с жильем не было никаких – город еще толком не восстановился после войны, и многие так жили. Потому мои родители решили уехать из Ленинграда в провинцию - город Клинцы Брянской области. Там в большом деревянном доме жили родители папы, и молодой семье в нем была выделена отдельная комната.

Через три года мои родители построили собственный дом. В нем-то и прошли мои детство и отрочество.

Город Клинцы, улица Ленина. Здесь работал дедушка

В раннем детстве наибольшее влияние на меня оказал отец моего папы Василий Никифорович (1900 - 1974), происходивший из семьи сельских интеллигентов. Не получив высшего образования, он много занимался самообразованием. Рассказывал мне про мировую политику. До выхода на пенсию в середине 60-х дед много лет проработал главным бухгалтером Райпотребсоюза. Был уважаемым в городе и районе человеком, поскольку обеспечивал закупки сельхозпродукции у кооператоров.

Дед приохотил меня к чтению. Помню первую прочитанную совместно с ним книгу – то было «Бородино» Лермонтова. Мне тогда было 4 года. Несмотря на обилие незнакомых

терминов, книжка про войну мне очень понравилась. Вскоре я уже мог на память воспроизводить из нее большие куски.

В 6 лет я записался в детскую библиотеку. Пять книг, которые в ней разрешали брать на дом, я проглатывал дня за три, после чего спешил за очередной порцией чтения.

Страсть к чтению привела меня в 10 лет в библиотеку для взрослых. Заведующей читальным залом в ней служила дальняя папина родственница. Она по благу пускала меня в «закрома родины» - фонд читального зала, откуда книги на дом не выдавались. Всем было нельзя, но мне - можно. Я забирал с собой на одну - две недели три книги, и надо сказать, с возвратом тетю Нелли никогда не подводил. Она же выполняла за счет меня план по читателям.

То чтение, когда в книжных магазинах ничего интересного не продавалось, было для меня счастьем. За четыре года я прочел собрания сочинений Фенимора Купера, Дюма-отца, Конан-Дойля, многие отечественные и зарубежные бестселлеры приключений и фантастики. В 7-м классе мне попались на глаза романы Даниила Гранина «Искатели» и «Иду на грозу». Они определили мой выбор жизненного пути – я решил стать ученым.

2.2 Шахматная бацилла

Когда мне было 6 лет, отец научил меня играть в шахматы. Русские шашки я освоил годом ранее. Несмотря на слабую квалификацию (третий разряд), папа был заядлым игроком. Он участвовал во всех турнирах своего строительного треста, играл в составе его команды на городских соревнованиях. Когда мне исполнилось лет 8, папа стал меня

брать на эти соревнования. Я легко высиживал в турнирном зале по 3-4 часа, пока игрался матч его команды.

Привитая отцом шахматная бацилла оказалась весьма заразной – на всю оставшуюся жизнь. Азы шахматной науки я больше проходил на собственной практике, играя с друзьями и в школьных турнирах. Дома и в детской библиотеке имелись шахматные книги лишь для начинающих. Разобравшись по ним в основных окончаниях и простейших дебютах, к 11 годам я уже на равных играл с папиными компаньонами – такими же любителями, как он. В 6-м классе, играя за школу на первой доске на соревнованиях «Белой ладьи», обыграл всех соперников. Городской спорткомитет меня приметил и послал на соревнование школьников в областной центр.

На память о встрече в Главном здании МГУ в мае 1978 года

Я тогда впервые почувствовал себя почти взрослым и уже настоящим профессионалом: мне был оплачен проезд, гостиница, питание и даже выданы командировочные. В Брянск меня отправили без сопровождения взрослого, но за компанию с чемпионом Клинцовского района по шахматам среди школьников Геной Курашко. Он был старше меня на пару лет, а значит, по жизни был не таким уж несмышленьшим, как я. С Геной я спокойно провел 5 часов в поезде, а затем мы благополучно добрались до нужной гостиницы. Поселили нас в один номер, и там мы уже выяснили, «ху из ху» в шахматах. Оказалось, что играем примерно на равных.

Областное первенство показало, что без настоящей школы - с профессиональными наставниками - в шахматах далеко не уедешь. Меня легко обыграли два будущих победителя турнира - мои ровесники, уже имевшие первый разряд. Один из них – Игорь Самарин – стал со временем профессионалом: имея звание гроссмейстера ИКЧФ

(Международной шахматной федерации в игре по переписке), долгие годы работал шахматным тренером. Мой дебют в «настоящем» – с часами – турнире получился, впрочем, не таким уж плохим: по его итогам мне был выписан третий разряд. Гена сыграл примерно в ту же силу.

В подходе к шахматной игре мы с ним были антиподы. Гена играл в стиле Таля: хорошо видел тактические возможности позиции и частенько приканчивал меня матом после каскада жертв. Я же предпочитал играть позиционно, в стиле Ботвинника. По счастью, Гена терялся в закрытых позициях, в которых надо было меньше считать «тактику», но лучше понимать их нюансы. В таких позициях я его потихоньку переигрывал.

Встреча с Геннадием Курашко в Москве - декабрь 2007 года

С Курашко мы потом стали друзьями на долгие годы. Службу в армии он проходил в Москве, в стройбате. Получил на стройке, где плохо соблюдалась техника безопасности, серьезную травму позвоночника. Двигательные функции, слава Богу и врачам, ему удалось восстановить почти полностью. Производственная травма дала возможность Гене стать москвичом в первом поколении: в качестве компенсации, без суда, ему выделили в районе метро «Медведково» однокомнатную квартиру. Вскоре он женился, стал отцом двоих детей.

Уровень игры моего друга со временем вырос до первого разряда, но стиль остался прежним – атака любой ценой! Мы с ним встречаемся несколько раз в году, когда я приезжаю в столицу. Мушкетерские его атаки, как правило, мне удается отразить и затем перейти в выигранный эндшпиль. Но иногда друг все-таки заставляет меня поднимать руки вверх. К вящей его радости – удалось выиграть у кандидата в мастера!

В седьмом классе я записался в шахматный кружок при Доме пионеров. Вот там уже всерьез пришлось напрягать мозги, разбирая партии гроссмейстеров и решая сложные задачи на тактику. Вел кружок перворазрядник Валерий Кондратьев, сторонник «моего» - позиционного - стиля игры. За год учебы удалось получить представление о большинстве современных дебютов. Перед летними каникулами мне был выписан по результатам теста второй разряд. Устраивать турнир между участниками кружка не имело смысла: согласно квалификационным требованиям, у всех должен быть 4-й или 3-й разряд, однако ни у кого, кроме меня, официального разряда не было. Городским (в городах областного подчинения) спорткомитетам было дано право присвоения до 2-го разряда включительно. Дальше – уже через «область».

Гордый успехом, я с началом лета поспешил в городской парк, где по выходным дням играли в блиц серьезные дядьки – перворазрядники и опытные обладатели второго разряда. Кандидатов в мастера и мастеров спорта по шахматам в городе в ту пору не было. По предъявлении квалификационного билета я был допущен в блиц-турнир, но, конечно же, сразу оказался нещадно бит. Пятиминутки (шахматные блиц-партии) имеют свою специфику: ты можешь иметь совершенно выигранную позицию, но если на твоих часах упал флаг (закончилось время на обдумывание ходов), то тебе будет засчитано поражение. Бывают исключения – «голый» король противника в одиночестве не может поставить мат, и тогда при падении твоего флага будет засчитана ничья. Без необходимой игровой практики (блиц в шахматном кружке не приветствовался) я поначалу большинство партий проигрывал именно по времени.

Однако досадные поражения только раззадоривали меня. Я стал завсегдатаем турниров в городском парке. Постепенно стал играть на равных со второразрядниками, а после окончания 9-го класса мне уже удавалось обыгрывать и сильнейших шахматистов города.

Вспоминается то жаркое лето 1972 года. Необыкновенная засуха сочеталась с ажиотажем вокруг матча на первенство мира между американцем Робертом Фишером и нашим Борисом Спасским. Бабушка – мамина мама, переехавшая к тому времени тоже из Ленинграда в Клинцы – повезла меня на родину своих предков, деревню Вошиково под Рыбинском. По соседству с речкой жара должна была переноситься легче.

Путь из Брянской в Ярославскую область пролегал через Москву. Из окна поезда я увидел Подмоскowie в дыму от торфяных пожаров. Поезд прибыл на Киевский вокзал. С Ярославского вокзала мы с бабушкой отправились дальше на север, и запах дыма постепенно исчез.

Почтовая открытка СССР в память о матче Спасского и Фишера

В деревне моей главной заботой было успеть купить на почте свежий номер «Комсомольской правды», где печатались и анализировались партии матча. Месяц за разборами партий, рыбалкой, купанием и чтением книг пролетел незаметно. В Клинцы я вернулся заметно окрепшим - как в физическом, так и в шахматном плане.

2.3 Школьные годы чудесные

Все мы родом из детства, и тем, что было в детстве в тебя заложено, определяется дальнейшая судьба.

С группой одноклассников перед родительским домом, 2013 год

Быт в собственном доме был довольно тяжелым по нынешним меркам. За водой приходилось ходить на колонку метров за двести от дома. Зимой нужно было набрать,

раздробив ломом, уголь в замерзшей куче во дворе и отнести ведро с углем к печке. Наколоть дрова для растопки. Покормить кур и кроликов – продовольственная тема в провинции в те годы стояла остро, и родители решали ее своими руками. Перечисленное выше было моей обязанностью с ранних школьных лет. Тем не менее, мне удавалось успешно учиться одновременно и в средней образовательной, и в музыкальной школе.

Учеба в младших классах (в ту пору с первого по четвертый) не вызывала у меня никаких затруднений. Уроки вела прекрасная учительница Татьяна Наумовна Матюхина (1929 - 2018), которую мы искренне любили и потом, уже став взрослыми, часто навещали.

На память о приеме в пионеры. 3 класс «В» и Т.Н. Матюхина, 1966 год

У Татьяны Наумовны была удивительная судьба. Она родилась в еврейской семье. В годы войны Брянская область была оккупирована немцами. Родители Тани по какой-то причине не уехали в эвакуацию. Девочка на себе испытала, что такое Холокост. Во время расстрела согнанных со всего города обитателей еврейского гетто Таню успела заслонить от пуль ее мать. Девочку нашла живой в полузасыпанной братской могиле русская семья. Таня стала в этой семье приемной дочерью, прожив в ней до освобождения города в 1943 году. Соседи немцам её не выдали. Много позже, стараниями родственников Татьяны Наумовны, уехавших в Израиль, имена ее приемных родителей были занесены в почетный список «Праведников мира» мемориала Холокоста Яд-Вашем в пригороде Иерусалима.

Но об этом я узнал много позже – детям про перенесенные ею ужасы знать было не положено. Татьяна Наумовна каким-то образом умудрялась прививать интерес к учебе даже самым слабым ученикам. Большая часть моего класса к концу начальной школы ходила в хорошистах и отличниках. По инерции так продолжилось и в пятом классе –

после перехода на обучение по «кабинетной» системе. И лишь к концу шестого началось расслоение. С удивлением я тогда обнаружил себя в группе круглых отличников, состоящей... всего из двух человек.

Стенд в Клиновской школе №1, посвященный ее посещению Гагариным

Ярким пятном остался в памяти приезд в город Ю.А. Гагарина 28 мая 1966 года. Он баллотировался тогда в Верховный совет СССР от Брянской области. Моя школа (сейчас гимназия № 1) располагалась в центре города и носила имя первого космонавта планеты. Заранее было известно, что Гагарин ее посетит. Почему-то выбор школьника для приветствия Гагарина – я тогда заканчивал третий класс - пал на меня. Мне сшили костюм космонавта, и я вместе с облаченной в такой же костюм девочкой (не из моего класса) в урочный день и час предстал перед знаменитым гостем школы и города.

Фраза моего приветствия была короткой, так что ее сложно было забыть даже при сильном волнении: «Разрешите начать!». Космонавт ответил, как положено: «Разрешаю!». Я салютую: «Есть!», и торжественная встреча успешно продолжилась. На сделанной фотографии я с «подружкой» был заснят со спины. То фото некоторое время даже висело в городском музее. Но, поскольку фотокорр поленился или в спешке не успел узнать фамилии «юных космонавтов», в надписи под снимком их не оказалось.

Я иногда вспоминаю в кругу семьи тот эпизод, когда на день рождения моей мамы приходят ее внуки. Ведь она родилась 12 апреля – в будущем День космонавтики. Своего сына, моего младшего брата, захотела назвать Юрием – как будто предвидела в 1959 году имя первого космонавта. Я был назван в честь сталинского министра иностранных дел В.М. Молотова и с малых лет интересовался политикой. Как корабль назовешь... Брат, отучившись 10 лет в школе имени Гагарина и получив за упорный труд золотую медаль, поступил в Военно-космическую академию имени Можайского в Ленинграде.

Поначалу он хотел даже стать летчиком, а не военным инженером, чтобы затем пробиться в отряд космонавтов, однако врачи нашли в нем «папины гены» - какие-то неполадки в работе сердца. Закончив академию, Юра затем более 10 лет прослужил в Вычислительном центре космодрома в Плесецке.

Звание первого ученика класса, подтверждаемое грамотами в конце каждого учебного года, я проносил вплоть до выпуска из школы в 1973 году. Особых усилий к тому даже не прилагал: письменные задания по математике, русскому и физике быстренько делал дома, а материал гуманитарных предметов прочитывал на перемене перед уроком.

Школьная математика мне казалась очень легкой. Почему не все задачи контрольных работ по алгебре и геометрии могли решить мои одноклассники, прекрасно разбирающиеся в химии и биологии, я понять не мог. В школьных олимпиадах по физике и математике от класса участвовали человека три, но на городской тур выходил лишь я один. Компанию мне на них составляли еще 2-3 ученика из параллельного класса «А». Среди них всегда был мой лучший друг детства Гриша Рубинов.

2.4 Соревнование с другом

Свадьба Григория Рубинова – город Подольск, 1976 год

Наши мамы были подругами. С Гришей мы родились в 1956 году с разницей в один день, и как-то так получилось, что нас связало множество общих интересов. Главными среди них были любовь к книгам, шахматам, математике и музыке. Мы оба себя относили, согласно популярному определению, к «юным любителям физики с философским складом ума».

По отпущенным ему Богом талантам Гриша превосходил меня во всем, кроме шахмат. Он родился в семье потомственных еврейских интеллигентов, которых было много в Клинцах – город когда-то входил в пресловутую черту оседлости. Его отец был дантистом, мама – преподавательницей русского языка и литературы в средней школе №2. Дом был полон интересных книг. Гриша прочел в 7-8 классах книги, до которых я созрел лишь много лет спустя – к примеру, такие, как «Игра в бисер» и «Степной волк» Гессе.

Я не блистал виртуозной техникой игры на фортепиано – закончил музыкальную семилетку с твердой четверкой по «предмету». Гриша же «для себя» разучивал ноктюрны и вальсы Шопена, которые из-за своей сложности не входят в программу ДМШ – лишь музыкальных училищ и консерваторий. Он «брал» задачки из журнала «Квант», к которым я не знал, как подступиться.

И всё же мне дважды удалось его обойти на математической тропе. Первый раз это произошло в конце 9-го класса. В обоих параллельных классах математику вел один преподаватель – Василий Ильич Чуланов. Это был грозный на вид мужчина лет 50 - с лысым черепом и неременной указкой в руке. Он регулярно ею грозил, а порой почти касался лбов нерадивых учеников, наводя на них ужас. К своим любимцам – тем, кто по алгебре и геометрии имел твердые пятерки – он относился вполне доброжелательно. Я его нисколько не боялся.

Лучшим математикам обоих классов (таковых было 5 или 6) Василий Ильич выдал одно и то же внеклассное задание: решить пять отобранных им задач. Срок сдачи тетрадки с решениями – две недели. Решившим все пять был обещан приз.

За первую неделю я решил четыре задачи. Они были по сложности уровня городских олимпиад, но вполне «берущимися» для тех, кто имел должный опыт. А вот с последней задачей возникли проблемы. Подходил срок сдачи, а идея ее решения в голову никак не приходила. Можно было плюнуть и согласиться на «четверку», но что-то меня тормозило от ухода на такой вариант. Я мучился, плохо спал. Когда вдруг произошел инсайт – внезапное озарение, счастье было неописуемым. За одну секунду я понял путь решения задачи - как будто его осветила вспышка молнии. Осталось только сесть и записать выкладки в тетрадку.

Я тогда оказался единственным, кто решил все пять задач. Василий Ильич подарил мне книгу с памятной надписью.

Второй раз я обошел Гришу, став в 10-м классе лучшим на городской математической олимпиаде. Как результат, был отправлен в Брянск на олимпиаду областную. Но та победа на городской была, скорее, ситуативным эпизодом, зависящим от состояния мозга в конкретный момент. При прочих равных условиях (примерно одинаковом уровне подготовки) мозги у меня сработали на все 100%, а у друга – увы... Вполне могло быть и

наоборот. А вот эпизодом с инсайтом я горжусь. Их было всего два в моей жизни. О втором речь пойдет позднее.

3. МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

3.1 Подготовка к поступлению в ВУЗ

Преподавание математики и физики в советской школе существенно отличалось от нынешнего – эпохи ЕГЭ. В ней не было традиции натаскивать всех на решение типовых задач, уровень сложности которых выбирает учитель по своему усмотрению. При таком подходе страдают сильные ученики. Умение самостоятельно мыслить оттачивалось лучше. Был и индивидуальный подход. Середнячки решали дома обычные задачки, более способные – задачи «со звездочкой». Самые талантливые могли тренировать свой интеллект на олимпиадах – от школьной до международной.

Получаемых в обычной провинциальной школе знаний по математике вполне хватало для поступления в областной технический вуз, и даже в большинство московских. Из шести клинцовских школ давали такие знания, по крайней мере, четыре. В этом городе учителя нацеливали лучших учеников на поступление в московские вузы: именно их диплом давал возможность хорошего продвижения по социальным лифтам, а также возможность выбраться из провинции в большой город.

Выпускники моей школы № 1 поступали в такие элитные вузы, как МГУ (факультеты мехмат, вычислительной математики и кибернетики, физфак), МИФИ, МФТИ. В них было больше всего перспектив стать ученым, а не инженером,

которых выпускали не элитные институты. А я хотел стать именно ученым, поскольку чувствовал, что работать головой у меня получается лучше, чем руками.

Просматривая в журнале «Квант» примеры вступительных заданий по физике и математике в элитной тройке технических вузов, я понимал, что их уровень сложности превышает тот, с которым я сталкивался даже на городских олимпиадах. Значит, где-то надо было дополнительно учиться, чтобы успешно взять планку требований при поступлении в эти вузы.

В Клинцах не было физико-математических спецшкол – привилегий столиц и областных центров. Потому выбор дополнительного образования был невелик: или Заочная математическая школа (ЗМШ) при мехмате МГУ, или Заочная физико-техническая школа (ЗФТШ) при московском Физтехе. Я и мой друг Гриша выбрали второй вариант. Мы успешно решили вступительные задачи и с начала 8-го класса стали ежемесячно получать по почте конверты со светло-зелеными брошюрами. Разумеется, бесплатно – страна заботилась о будущих кадрах для своих НИИ.

В брошюрах излагалась теория в объеме чуть шире школьного учебника, но на уровне гораздо более серьезном. Сложность предлагаемых к решению задач зависела от темы. Логарифмические и тригонометрические уравнения и неравенства (10 класс) были вполне сопоставимы по сложности с теми, что давались на вступительных экзаменах в элитной тройке вузов. Приводимые в брошюрах примеры решения сложных задач были важным обучающим фактором.

С Гришей мы кооперировались: «добирали» друг у друга те задачки, с которыми не смогли справиться сами. Мой друг лучше «щелкал» математические задачи, чем физические. Мне нравилось решать и те, и другие. Вплоть до весны в выпускном 10-м классе я не знал, не мог выбрать, по какой специальности я больше хочу поступать: «на физика» или «на математика».

Решение созрело во время областной математической олимпиады, когда ее участников повели в Вычислительный центр ведущего вуза Брянска – Института транспортного машиностроения (ныне он называется Брянский государственный технический университет). Увидев огромные помещения, в которых веселыми огоньками будущим студентам подмигивали ЭВМ (подобных я не видел даже по телевизору), я понял, что хочу стать кибернетиком. Лишь кибернетикам дано право напрямую общаться с такими умными машинами. Они пишут для них программы, которые со временем коренным образом должны изменить жизнь людей.

3.2 Математический антисемитизм

Незаметно пролетел июнь с экзаменами на аттестат зрелости. Экзамен по физике был связан для меня с досадным инцидентом. Молодая физичка, считавшая, что я «задираю нос» на ее уроках, разглядела в нише моего стола учебник физики, который я засунул туда «на всякий случай» - для самоуспокоения. Подняла скандал и снизила до четверки оценку за экзамен. В результате меня лишили золотой медали, но «пятерку» по физике в аттестате все же поставили. Гриша свою золотую медаль получил.

Мой выпускной класс, 1973 год

Отгремел выпускной бал, мой дружный класс продолжил его уходом в короткую июньскую ночь. Все понимали, что начинается самостоятельная жизнь, в которой уже не родители, а мы сами будем определять свою дальнейшую судьбу.

Мои родители все же не решились бросить меня, как котенка, в плавание по бурным житейским морям. Папа взял отпуск, и мы вместе поехали в Москву, чтобы я готовился к вступительным экзаменам не в шумном общежитии, а в предоставленной его дальним родственником отдельной комнате. Папа обеспечивал мне правильное питание (сам готовил), «болел» рядом во время экзаменов, а после экзаменов мы с ним уходили играть в настольный теннис в ЦПКиО.

Главное здание МГУ и старое здание факультета ВМК

Документы были отданы в приемную комиссию факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Он тогда находился в небольшом трехэтажном (позже оно было надстроено еще двумя этажами) здании неподалеку от Вычислительного центра и Главного здания университета. У главного храма науки советской страны произошла встреча папы со знаменитым тезкой Ломоносовым, пусть и в виде памятника. Они оба были Михаилы Васильевичи.

Начальный конкурс на факультет ВМК составлял 6 человек на место. После первого экзамена – письменной математики - большая часть абитуриентов отсеялась, получив двойки. Они не смогли решить три задачи из предложенных пяти. Я этот барьер преодолел, пусть и с тройкой. На устной математике получил уже «четыре». А вот экзамен по физике «устно» оказался для меня триумфом. Его принимали преподаватели физфака МГУ. Один из них, ставя мне «пятерку» в ведомость, даже поинтересовался: откуда я так хорошо знаю физику?

Сочинение было для меня уже формальностью. Написал его сухо, заботясь лишь о том, чтобы не допустить грамматических ошибок. Результат – «четверка» - меня вполне устроил. Перевыполнив на два балла норму для зачисления в университет «с общежитием», я с гордым чувством вернулся в Клинцы. Там мои одноклассники еще только готовились к вступительным испытаниям. Экзамены в элитной тройке вузов традиционно принимались в июле - на месяц раньше, чем в других институтах.

ЗФТШ одновременно со мной и Григорием закончили еще трое моих земляков – из других школ. Один поступил в МФТИ, другой в МИФИ, третий – на «мой» ВМК. А что же мой друг? Он подал документы на мехмат МГУ, и там ему пришлось столкнуться с тем, что

спустя многие годы я окрестил в одной из своих [статей](#) как «математический антисемитизм».

Еще в начале 1960-х годов власти стали резко ограничивать приток на физические факультеты ведущих вузов студентов еврейской национальности. Мотивировалось это тем, что они могут выведать ядерные секреты и передать их нашим западным противникам. После подписания ведущими математиками страны «Письма 99» в защиту преследуемого по политическим мотивам математика и философа Александра Сергеевича Есенина-Вольпина (сына знаменитого поэта) аналогичные заградительные меры стали применяться и на математических факультетах ведущих университетов.

Чтобы евреи-медалисты не смогли получить «пятерку» на письменном экзамене по математике (это освобождало бы их от сдачи остальных экзаменов) листы с их работами специальным образом помечались для проверяющих. Путем различных придирок оценки даже за правильно решенные 5 задач (одна из них всегда была крайне сложной) легко снижались до «тройки». А дальше – «добро пожаловать в пыточную камеру» на экзамене по устной математике, где специально отобранные доверенные преподаватели доказывали даже суперподготовленному абитуриенту «неправильной» нации, что больше тройки он не заслуживает.

Грише пришлось пройти через этот круг ада. На всех четырех экзаменах он неизменно получал только «тройки» и, разумеется, по конкурсу на мехмат не прошел. На этом закончилось его стремление стать математиком. Чтобы получить хоть какой-то диплом о высшем образовании, он через месяц поступил в Московский автодорожный институт. Когда в конце лета я встретил в Клинцах своего друга, мне было больно на него смотреть: обычно веселый взгляд потух, от перенесенной душевной травмы он выглядел, как после тяжелой болезни. В начале 1990-х Гриша вместе с мамой и сестрой (отец его к тому времени уже умер) переехал на жительство в Израиль.

В 1973 году не поступил на мехмат МГУ и сильнейший десятиклассник Брянской области по фамилии Элеймилах – с ним я соревновался на областной математической олимпиаде.

Как я позже узнал, еврейская квота для поступающих на математические факультеты МГУ все же была - не более 1-2 человек каждый год. Исключение делалось для призеров международных математических олимпиад, на которые направлялись сильнейшие в стране школьники - победители олимпиад всесоюзных. Согласно положению, они принимались в любой технический вуз страны без экзаменов, и это правило соблюдалось.

3.3 Студенческие годы

Учеба в МГУ началась для меня погожим осенним днем 1 сентября 1973 года. Студенческие билеты всем вручал, пожимая руку, декан и основатель факультета ВМК академик Андрей Николаевич Тихонов.

Новое здание факультета ВМК МГУ. Академик А.Н. Тихонов (1906 – 1993)

У факультета ВМК тогда не было своих больших поточных аудиторий, в которых могли бы слушать лекции все 250 человек, зачисленных на 1-й курс. Лекции проходили, как правило, в большой аудитории «01» Главного здания, реже - в лекционных залах корпуса гуманитарных факультетов на Ленинских горах. Семинарские занятия велись на самом факультете. В конце 1970-х для факультета ВМК было построено новое большое здание между Вычислительным центром МГУ и Главным зданием. Прием студентов на 1-й курс сразу был увеличен до 400 человек. Старое здание ВМК было отдано под вновь созданный факультет социологии.

На младших двух курсах я жил в 5-м корпусе комплекса общежитий на Ломоносовском проспекте, отданном иногородним студентам ВМК. От этого комплекса до родного факультета надо было проехать три автобусных остановки. Со мной в комнате общежития жили еще три человека – два «тихих» и один «буйный».

Два декана: академик Е.И. Моисеев и доктор физико-математических наук В.Д. Будаев, 2006 год

Первого «тихого» звали [Витя Будаев](#). Как-то, перелистывая августовский номер «Кванта» (этот журнал «для умных» я выписывал и свежий номер, уезжая на учебу в Москву, захватил с собой), прочел заметку о Всесоюзной математической олимпиаде текущего года. Победителем ее среди десятиклассников значился Виктор Будаев из Смоленска. Я заинтересовался у соседа по комнате, не о нем ли в заметке идет речь. Витя скромно ответил, что о нем. На международной олимпиаде он занял второе место и без экзаменов был принят на ВМК.

В дальнейшем Витя с красным дипломом закончил факультет, затем его аспирантуру и докторантуру. В 1999 году он переехал на жительство из Смоленска в Санкт-Петербург, в 2005-м был назначен деканом факультета математики Санкт-Петербургского педагогического университета имени Герцена. Своему новому земляку я, как более сведущий в компьютерном оборудовании и установке программ, помог с покупкой и настройкой домашнего компьютера. Витя, несмотря на свои регалии, всегда вел себя самым скромнейшим образом. Ныне он снова в науке – перешел с административной работы на преподавательскую на том же факультете, на менее нервную прежнюю должность заведующего кафедрой математического анализа.

Второй «тихий» приехал из города Североморска. Звали его [Михаил Захарьящев](#). Его редко можно было застать в комнате общежития, поскольку он любил пропадать в научных библиотеках. После окончания факультета он защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 году - докторскую. Затем уехал на ПМЖ в Великобританию, чтобы преподавать математическую логику в одном из лондонских университетов.

Фамилия «буйного» была Тургумбаев, по национальности он был казах. Имя его я не запомнил. Каким-то образом он как нацкадр был направлен в МГУ переводом из университета Алма-Аты. По слухам, казах приходился родственником ректору местного университета. Учебников в руках «кадра» я никогда не видел. Он был большим любителем выпить и подраться. Не удивительно, что его отчислили за неуспеваемость уже после первой сессии.

Начиная с третьего курса иногородние студенты МГУ живут в общежитиях боковых корпусов Главного здания. Это было очень удобно: чтобы попасть на первую лекцию, начинавшуюся в 9 часов утра, достаточно было спуститься «в домашних тапочках» в лифте с десятого на первый этаж.

Про учебу много рассказывать не специалистам в математике не имеет смысла. Первая сессия запомнилась сдачей на «пятерку» экзамена по физике. Экзамен у меня принимал сам лектор, автор учебников по физике для средней школы, по которым я учился, Борис Борисович Буховцев. Он читал нам курс теоретической механики. Я потом с гордостью показывал зачетку с его подписью на традиционной зимней встрече выпускников школы – в пику физичке, завалившей меня на экзамене.

Основное внимание в преподавании на факультете уделялось прикладным разделам математики. Высоко абстрактных ее разделов (вроде теории групп), в большом количестве представленных на мехмате, у нас не было. И мне очень нравилось изучать численные методы вычислений, т.е. способы решения на ЭВМ задач, не поддающихся решению путем аналитических выкладок.

Самым простым предметом считалось «программирование и архитектура ЭВМ» – т.е. то, чем может заработать себе на хлеб выпускник, не оставшийся через аспирантуру в «большой науке».

Факультетский деканат прислушивался к коммунистической прослойке курса – ребятам, к тому времени прошедшим большую жизненную школу и окончившим рабфак при ВМК. Их было человек 15. Расскажу один забавный случай.

Начало второго курса. Узнаем, что лекции по теории вероятностей нам будет читать академик, лауреат Ленинской премии Юрий Васильевич Прохоров. Первая лекция, знакомство. Академик оказывается неожиданно молод: тогда, в 1974 году, ему было всего 45.

Академик Ю.В. Прохоров в 1970-х и в 1990-х

Введение в теорию вероятностей получилось занимательным: красочный рассказ о казино в Монте-Карло, нахождении методом Монте-Карло значения числа «пи», и ... ни одной формулы. На второй лекции история повторяется. Юрий Васильевич с увлечением рассказывает о пути в математику Пафнутика Чебышёва (в будущем знаменитого ученого) и о научной школе Колмогорова. И... снова ни одной формулы. А на семинарах в это время надо было уже и математические ожидания вычислять, и распределения вероятностей расписывать.

И тут наша коммунистическая прослойка не выдержала: пошла в деканат с жалобой на "нетрадиционного" лектора. Жалоба возымела действие: на третьей лекции на доске уже было начертано несколько формул. В конце лекции, однако, обиженный академик попенял нашему курсу: "Я хотел вам рассказать то, что вы в учебниках не найдете, а вы на меня - с жалобой!". Больше на лекциях мы его не видели - чтение курса продолжил простой кандидат наук.

"Проторенной тропой" в деканат выпускники рабфака пошли еще раз - в конце второго курса, когда узнали, что на подготовку к экзамену по истории философии отведено всего 5 дней. Каким-то образом им удалось там доказать, что понять учение Канта гораздо сложнее, чем интеграл Лебега, и в результате на подготовку был отпущен беспрецедентный для гуманитарного предмета срок - целых 10 дней. Вот так, не абстрактно, мы узнали, что такое организующая и направляющая сила КПСС!

Удивительным образом много лет спустя судьба столкнула меня с тем «простым кандидатом наук», что принял эстафету чтения лекций по теорверу из рук академика. Им оказался его племянник, доцент мехмата МГУ Александр Владимирович Прохоров. По заказу одного из издательств я корректировал собранные им тексты воспоминаний о его уже покойном дяде. Но об этом позднее.

В конце второго года обучения предстояло выбрать кафедру для дальнейшей специализации в прикладной математике. Я остановил свой выбор на кафедре исследования операций и специализации «игры с противоположными интересами». Эта тема казалась мне близкой - по крайней мере, с философской точки зрения - к шахматам.

«Студент, достигший третьего курса, дальше двигается по инерции»... На третьем курсе у большинства моих однокурсников были трудности лишь с единственным предметом – «уравнениями математической физики». На четвертом курсе гранит науки стало грызть еще легче. Я уже мог позволить себе «вольность» в виде подработки программистом – на языке PL/1 писал куски автоматизированной системы управления учебным процессом в автодорожном институте, где учился мой друг Григорий. К тому времени я уже отказался от мысли стать «академическим» ученым, с унизительной ставкой за преподавание в вузе или техникуме. Работа в отраслевых НИИ (как правило, «ящиках») с их гораздо более высокими окладами и надбавками меня привлекала больше. А защитить диссертацию можно и в них.

В ноябре 1977 года, когда я был на 4-м курсе, из Клинцов пришла скорбная весть о смерти моего отца. Он умер от болезни сердца, связанной, скорее всего, с его страстью к курению. Деканат отпустил меня съездить на похороны. Из разговора с мамой я понял, что она нацелена на обратный переезд в Ленинград.

3.4 Второй инсайт

Пятый курс – это традиционное время для написания дипломных работ и подготовки к государственным экзаменам. Обязательных для посещения лекций (материалы которых вошли бы в «госы») уже не осталось, но я с удовольствием ходил на курс истории математики. Одновременно довольно плотно погружался в проблематику выданной мне научным руководителем темы дипломной работы. Виделись мы для консультаций в Вычислительном центре Академии наук, где он работал, а я проходил дипломную практику.

Мне сложно судить об уровне дипломных проектов моих однокурсников. Но за себя могу ответить точно: определенный вклад в науку мой проект внес. Мой научный руководитель, кандидат физико-математических наук Эрик Георгиевич Давыдов перед зимней сессией поручил мне проверить одну свою гипотезу, сформулированную им в

виде теоремы. Если я смогу теорему доказать, то это было бы хорошим заделом для моего дипломного проекта. Если докажу, что гипотеза несостоятельна, то это тоже результат, но... лишь для моего научного руководителя. Мне бы пришлось тогда знакомиться уже с новой темой. Если ничего не докажу... Но о таком позоре мне не хотелось даже думать.

В феврале выпускного 1978 года, уже имея приличный багаж знаний по теме, начал напряженно над гипотезой размышлять. Решение проблемы всё никак не давалось, а время для оформления «диплома» начинало поджимать. Я до сих пор помню тот момент, когда меня «щёлкнуло». Был серый мартовский день. Я смотрел из окна своей комнаты общежития в Главном здании на просторы, открывающиеся с Ленинских гор. И вдруг, как когда-то в девятом классе, мозг пронзил «разряд молнии». В одну секунду я осознал, что гипотеза моего руководителя справедлива, и понял путь доказательства теоремы. Нахлынуло счастье освобождения от длительного умственного напряжения.

Логического изъяна в представленном мной доказательстве Эрик Георгиевич не нашел. Могу предположить, что оно легло неплохим камнем в его докторскую диссертацию. Я же заработал от Давыдова прекрасный отзыв для защиты своего дипломного проекта.

3.5 Шахматы в МГУ

Рассказывая о годах, проведенных в МГУ, хочется поведать и том, что было в моей жизни помимо учебы. Самая большая в Москве сталинская высотка – Главное здание МГУ – действительно, чем-то напоминает храм. Во много раз уменьшенную, но тоже прекрасную, «первообразную» этого храма можно видеть сейчас в Филях – это церковь Покрова Богородицы. Ее возвели в конце XVII века в стиле «нарышкинское барокко».

Церковь Покрова Богородицы в Филях и Главное здание МГУ

«Алтарной частью» храма науки на Ленинских, ныне Воробьевых, горах является Дворец культуры МГУ. И надо сказать, что после пяти лет посещения храма и его «алтаря» невозможно было не почувствовать себя преображенным. Мне часто доводилось во Дворце культуры бывать – я старался не пропускать проводимых в нем встреч с учеными, космонавтами, литераторами, бардами. Часто доводилось слушать семейную пару университетских бардов – Татьяну и Сергея Никитиных. В середине 70-х годов она уже приобрела всесоюзную известность.

Однако большую часть своего свободного времени я проводил в одном из «приделов» храма – помещении шахматного клуба МГУ. Его директором в то время был мастер спорта по шахматам Иосиф Ефимович Ватников (1923 - 2013). Молодым лейтенантом он прошел Великую Отечественную войну. Был принят по ее окончании на юридический факультет, а когда утихла борьба с «космополитами», защитил кандидатскую диссертацию. Благодаря его стараниям шахматная жизнь в МГУ в ту пору кипела.

Главным соревнованием года в университете считалась межфакультетская спартакиада, проводимая по многим видам спорта, в том числе и шахматам. Сильнейшие факультетские команды возглавляли мастера спорта СССР. Многие из тех мастеров, что были в студенческом возрасте, позже становились международными мастерами и гроссмейстерами. Среди тех будущих гроссмейстеров, кого я видел в клубе или даже общался, могу припомнить Сергея Макарычева, Бориса Гулько, Сергея Долматова, Артура Юсупова, Сергея Смагина. Видными политиками стали кандидаты в мастера Андрей Макаров с юридического факультета (ныне председатель комитета по бюджету Госдумы), экономисты Сергей Иваненко (заместитель Явлинского в партии «Яблоко») и Александр Жуков (вице-премьер в правительстве Путина).

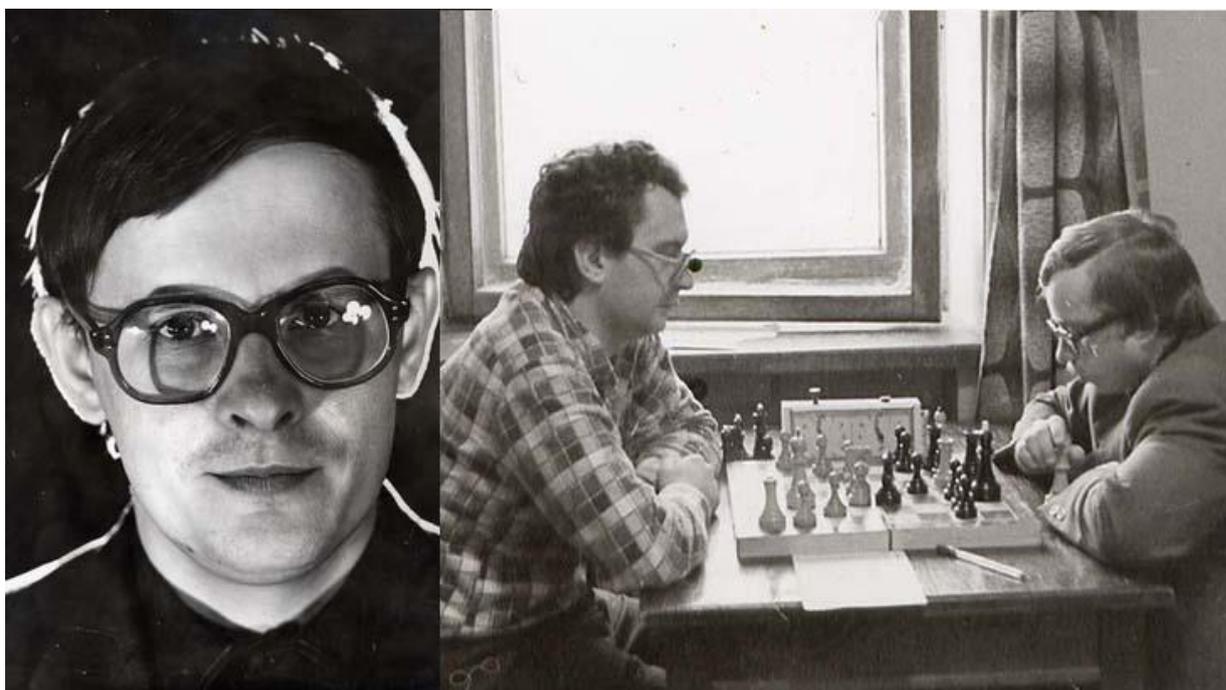
За два года до моего поступления студент мехмата Анатолий Карпов, будущий чемпион мира, перевелся в Ленинградский университет, чтобы быть ближе к своему тренеру Семену Фурману. Много позже, на международном фестивале 2002 года в чешском Пардубице, я присутствовал при триумфе тогда еще студента ВМК (закончил факультет с красным дипломом в 2004 году) гроссмейстера Дмитрия Яковенко. В главном турнире «А» он разделил первое место. Некоторое время (в 2009 году) по рейтингу Яковенко был пятым в мире.

Со своим вторым разрядом я сразу вошел в состав команды факультета, но выставляли меня на бой поначалу лишь с командами «второго эшелона». Тон в команде ВМК задавали крепкие перворазрядники и кандидаты а мастера. Когда я учился на первом курсе, лидером её был международный мастер Сергей Макарычев (р. 17.11.1953), только что завоевавший звание чемпиона Европы среди юношей. На следующий год он перевелся на факультет журналистики. Учиться там, видимо, было легче, чем на ВМК. В 1975 году Сергей получил звание международного гроссмейстера. Со временем он стал

популярным шахматным обозревателем, как известный теоретик дебютов работал личным тренером Анатолия Карпова и Гарри Каспарова.

Другими мастерами в команде ВМК были обучавшийся на «спецфакультете» при ВМК Манах Татаев и Ольга Кацкова. Ольга Никифоровна Кацкова (р. 1928) была четырехкратной чемпионкой Москвы по шахматам и одновременно кандидатом наук, доцентом кафедры алгоритмических языков. Очки в копилку команды она приносила с завидной регулярностью. Конкуренцию среди шахматисток МГУ ей составляла лишь сильный кандидат в мастера с факультета журналистики, около 1980 года ставшая мастером Радмила Попивода. Ольга Никифоровна до сих пор, уже в возрасте за 90, сражается в блиц и быстрые шахматы в турнирах ветеранов.

Команда ВМК входила в четверку сильнейших в университете. Мы попеременно с мехматом делили третье-четвертое места. А главные призовые места в командном первенстве факультетов доставались обычно журналистам и экономистам.

Михаил Гусев, 1986. Партия Виктор Будаев – Алексей Выборнов, 1977

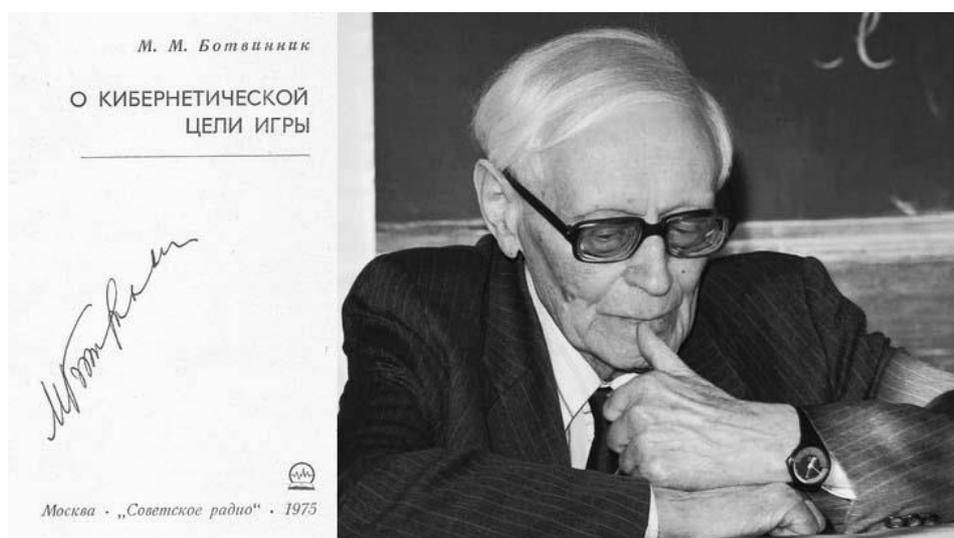
Перворазрядником я стал на третьем курсе, выполнив разрядную норму в одном из квалификационных турниров в шахклубе МГУ. Помогал мне в шахматном росте однокурсник, мой друг и одновременно ученик Михаил Гусев. Он поступил на ВМК, отучившись в Горьковском математическом интернате, и имея в то время лишь общее представление о шахматах. Сильнее меня на первом курсе играл лишь Петя Жидков из Дубны, перворазрядник. В бесконечных блиц-партиях, перемежавшихся с изучением «Курса дебютов» Панова и Эстрина, мы с Мишей росли оба. На третьем курсе по силе игры ученик догнал учителя. Первый разряд мы выполнили одновременно. В свободное от учебы время моего друга ничего, кроме шахмат, не интересовало. Он был главным

организатором шахматной жизни в общежитии ВМК, а к концу обучения, выполнив норму кандидата в мастера, стал уже капитаном факультетской команды.

Любовь к шахматам, которой Гусев «заболел» в МГУ, стала определяющей в его судьбе. После окончания МГУ Миша по распределению работал в Вычислительном центре Красногорского механического завода. В свободное время непрерывно играл в шахматных очных и заочных турнирах, не обращая внимания на проблемы со здоровьем. Его основной едой со студенческих лет были бутерброды с вареной колбасой и растворимый кофе. Не удивительно, что при таком питании он вскоре заработал язву желудка. И все же я был шокирован, когда его друзья мне сообщили, что Миша лежит в госпитале, и врачи у него обнаружили неоперабельный рак 4-й степени.

Когда мы увиделись с ним за неделю до его смерти, его голос раздавался как будто из подземелья. Мой друг ушел из жизни в возрасте Христа, не познав многих ее радостей. Мне его до сих пор не хватает.

Когда после окончания третьего курса я вернулся на каникулы домой, папа мне сделал интересное предложение: провести у него на работе сеанс одновременной игры на 10 досках. Видимо, оно уже было согласовано с руководством строительного треста. Я согласился. Считается, что для успешного для сеансера результата нужен его перевес в два разряда над средним разрядом участников. При моем первом разряде это соотношение соблюдалось. На таком большом количестве досок я проводил сеанс впервые, но папе, тем не менее, не пришлось краснеть за меня. Любители проиграли сеансёру со счетом 1:9. Один из участников добился со мной ничьей «по делу», а вторую ничью – скорее почетную - я предложил сам одному из руководителей треста. Папа был за меня весьма горд: ведь многие его коллеги помнили меня совсем юным, приходившим наблюдать за их партиями на первенстве городских коллективов. Прогресс был налицо.

Автограф Ботвинника. М.М. Ботвинник в 1980-х

На четвертом курсе, весной 1977 года, мне довелось увидеться и пообщаться с моим кумиром с детских лет Михаилом Ботвинником. Я был счастлив получить у него автограф.

Когда-то мы с другом Гришей Рубиновым разбирали по трехтомнику избранных партий Ботвинника его дебютные открытия – системы в ферзевом гамбите и английском начале, названные его именем. Они прошли испытание временем и до сих пор входят в мой дебютный репертуар. В третий том, помимо партий, вошла и большая работа Ботвинника, посвященная созданию электронного гроссмейстера – шахматной программы, которая бы не перебирала на определенную глубину все возможные в позиции варианты, а рассматривала лишь продолжения, имеющие смысл. Экс-чемпион мира таким образом намеревался, видимо, передать в пользование человечеству свой алгоритм нахождения наилучшего хода в позиции.

На встрече Ботвинника со студентами МГУ присутствовал ассистентом сотрудник его лаборатории, выпускник 1972 года мехмата МГУ Борис Штильман. Он придумал название «Пионер» проекту Ботвинника. За 37 лет работы над проектом (1958 – 1995) великому чемпиону и мыслителю, к сожалению, так и не удалось реализовать свою идею до конца. В 2020 году я написал об истории создания «Пионера» большую [статью](#) для своего сайта шахматиста.

4. ТРОПОЙ БОТВИННИКА

4.1 Шахматы и наука

В 1978 году мама окончательно решила вернуться в Ленинград. Ей удалось найти вариант обмена двух хороших квартир в Клинцах (своей мамы и мамы покойного мужа) на затемненную (выходящую окнами во двор-колодец) трехкомнатную квартиру на Васильевском острове. Это позволило и мне распределиться по окончании МГУ в город, где я родился и где часто бывал, гостя у родственников.

В октябре того же года я был принят на работу в Вычислительный центр Всесоюзного НИИ Радиоаппаратуры (ВНИИРА). Он тоже находился на Васильевском острове, на расстоянии пяти трамвайных остановок от моего нового дома. Предварительно более месяца компетентными органами изучалась моя «подноготная», поскольку институт относился к оборонным «почтовым ящикам». Когда проверка, наконец, была завершена, я убедился, что если сильно верить в мечту и добиваться ее осуществления, то она сбывается. Через пять лет после того, как я впервые увидел в Брянске машинный зал, моя мечта стать кибернетиком осуществилась: теперь я сам умел писать программы для

умных машин, набивать их на перфокартах и скормить колоды перфокарт машинам через их приемные устройства для последующих расчетов.

Машинный зал ЕС ЭВМ

Вычислительный центр ВНИИРА считался довольно крупным: в его состав входила передовая даже по мировым меркам БЭСМ-6 и две ЭВМ Единой Серии (клоны знаменитого американского мэйнфрейма IBM 370). В других подразделениях института было установлено несколько миникомпьютеров.

Институт занимался разработкой навигационной радиоаппаратуры для военной и гражданской авиации, а также для космических летательных аппаратов. Мой непосредственный начальник поручил мне заведовать пакетами прикладных программ для ЕС ЭВМ. Эти программы были написаны на языках программирования ФОРТРАН и PL/1 - скорее всего, где-то в Америке. В прикладных программах этих пакетов были реализованы численные методы вычислений – т.е. то, чему больше всего обучали на ВМК «в теории». Мне было приятно, что ко мне как специалисту по численным методам, пусть и весьма молодому, обращались за консультациями убежденные седины доктора технических наук.

В мои функции входило проверять работоспособность прикладных программ на тестах, пополнять их собственными разработками по заказу конструкторских отделов и пропагандировать их использование во время чтения лекций по программированию для инженеров института. За чтение лекций я получал дополнительную оплату, поскольку простоять и проговорить 6 часов в день у доски – это серьезная нагрузка на интеллект, ноги и голосовые связки.

Особенно часто мне приходилось читать лекции в 1986-1988 годах, когда ВНИИРА оказался в числе главных разработчиков аппаратуры для многоразового космического челнока «Буран». Всё большее количество инженеров должно было моделировать свои разработки на компьютере, чтобы затем отдать их для воплощения в железе на опытный завод. Заводские корпуса находились прямо на территории института - рядом с конструкторскими. Программы автоматического управления полетом отлаживались на миникомпьютерах, к которым я уже не имел отношения.

Я помню, каково было всеобщее ликование, когда «Буран» - целиком плод отечественной конструкторской и изобретательской мысли – 15 ноября 1988 года в автоматическом режиме совершил свой первый полет. Он продлился 205 минут после старта на космодроме Байконур. За это время корабль совершил два витка вокруг Земли, после чего сам произвёл посадку на том же Байконуре. Ответственные разработчики института были награждены за свой вклад в успех орденами и медалями. Увы, начавшаяся перестройка с ее движением к экономическому хаосу не позволила дальше двигаться по пути создания космических челноков, способных в автоматическом режиме многократно доставлять грузы на МКС. Первый полет «Бурана» так и остался единственным.

Приятное разнообразие в мою работу инженера-математика вносили командировки, связанные с обменом программным обеспечением ЭВМ. По заданию руководства я побывал в Москве, Дубне, Киеве, Минске и Горьком, где размещались НИИ профиля «вычислительная техника».

Среди сотрудников института оказалось довольно много сильных шахматистов: к моему приходу среди них насчитывалось четыре кандидата в мастера и с десяток перворазрядников. Почти каждый месяц проводились блиц-турниры на призы институтского спорткомитета, и конкуренция за них была нешуточная.

В конце 1980 года я третий раз выполнил в одном из турниров с «серьезным» контролем кандидатскую норму, что позволило мне, наконец, увидеть в своем квалификационном билете запись «Присвоен разряд кандидата в мастера». Это высшее для шахматиста-любителя звание я потом много раз с успехом подтверждал. Последние лет двадцать титул имеет значение лишь для профессионалов - международных мастеров и гроссмейстеров, влияя на размер бонусов для них от организаторов коммерческих турниров. Для шахматистов-любителей более актуальным показателем силы сейчас является их международный или национальный рейтинг.

Команда шахматистов ВНИИРА – Ялта, 1989 год

Команда ВНИИРА под названием «Факел» каждый год до конца 80-х участвовала в чемпионатах ДСО «Зенит» и в турнирах крупнейших предприятий Василеостровского района. После получения разряда кандидата в мастера я прочно закрепился в ее составе. За регулярный отрыв в вечернее время от дома и семьи ведущие игроки команды награждались поездками в составе команды на шахматные фестивали, проводимые летом в курортных местах. Мне удалось таким образом отдохнуть за профсоюзный счет в Новороссийске (дважды), Каунасе и Ялте.

4.2 Уход из науки

В конце 80-х годов у меня накопилось с полдюжину опубликованных научных работ, преимущественно по математическим основам компьютерной графики. С докладами по этой теме я дважды выступал на международных конференциях, проводимых в Москве. По этой причине мне было предложено поступить в институтскую аспирантуру. Став кандидатом технических наук, я мог бы со временем претендовать на должность начальника отдела – директора ВЦ.

В 1990 году стала вакантной должность начальника сектора математического обеспечения ЭВМ, в котором я работал, начиная с 1978 года. От предложения ее занять мне сложно было отказаться. Так сбывалась еще одна моя мечта: идти по жизни «тропой Ботвинника». Михаил Моисеевич долгие годы успешно совмещал игру в шахматы с занятиями наукой. Как специалист в электроэнергетике, в 1937 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1951 – докторскую.

К сожалению, моим грандиозным научным планам не суждено было сбыться. В результате гайдаровских реформ начала 1990-х ВНИИРА, как и многие другие предприятия в стране, начал разваливаться. Его руководству в отсутствие привычного финансирования не хватало денег даже на освещение кабинетов, свет давали лишь на 4 часа в день.

Коллектив опытных специалистов стремительно начал таять. Некоторое время я подрабатывал первую половину дня, пока институт был закрыт, программистом в частных фирмах. Однако все отчетливее зрело понимание, что стране не скоро понадобится отраслевая наука. Особенно сильно это почувствовал, когда стали разбирать на металл новейшие ЭВМ, губя программистские наработки многих лет. Сотрудников ВЦ распределили по другим подразделениям, которые занимались большей частью неизвестно, чем. Моя зарплата в твердой валюте в условиях галопирующей инфляции составляла в конце 1994 года всего 10 долларов.

Задерживаться в институте в таких условиях больше не имело смысла. За полгода до планируемой даты защиты диссертации я ушел из науки, перейдя на должность программиста в крупной коммерческой фирме с зарплатой в 100 долларов.

5. ШАХМАТНЫЙ ТУРИЗМ

5.1 Фирма «Ленвнешторг» и другие

В начале 90-х в нашу страну хлынул поток импортной вычислительной техники – персональных компьютеров (ПК), ноутбуков, принтеров. В отличие от стоящих огромные деньги мэйнфреймов (типа ЕС ЭВМ), ПК могли быть приобретены любой малой фирмочкой. Прежде всего, они использовались для автоматизации бухгалтерского учета. Организации побогаче стремились объединить разрозненные компьютеры в локальную вычислительную сеть, чтобы оперативнее – не через дискеты - передавать информацию от одного компьютера к другому. Для настройки, обслуживания всей этой техники, локальной сети, обучения персонала требовались специалисты, которых по старой памяти называли программистами.

Во ВНИИРА первые ПК появились еще в 1989 году. Поначалу это были примитивные уродцы белорусской сборки, в которых даже не было жесткого диска (лишь два дисководы для гибких дискет), но вскоре им на смену пришли «нормальные» IBM PC серии 286. К 1994 году я успел поработать с ПК и 386-й, и 486-й серий, т.е. пришел в фирму с «советским» названием «Ленвнешторг» уже достаточно подготовленным специалистом.

Фирма была организована двумя бывшими комсомольскими работниками - секретарями одного из ленинградских райкомов ВЛКСМ. «Ленвнешторг» гнал на Запад лом черных и цветных металлов, обратно получая какие-то дешевые продукты питания вроде быстрорастворимых куриных кубиков Gallina Blanca. Продажа этих кубиков на внутреннем рынке как-то обеспечивала функционирование офиса и зарплату сотрудникам. Могу предположить (но это лишь частное мое мнение), что изрядная часть прибыли от внешнеторгового обмена оседала на зарубежных валютных счетах экс-комсомольцев.

Мариинский дворец – здание Законодательного собрания СПб

Фирма занимала два этажа престижного здания рядом с Исаакиевской площадью, т.е. в историческом центре Питера. Построенное в 1740-х годах, некогда оно принадлежало уральским заводчикам Демидовым. Надо сказать «спасибо» владельцам фирмы – они обеспечили своих сотрудников пропусками в Мариинский дворец, в столовой которого можно было очень вкусно и по сходной цене пообедать. Основным контингентом этой столовой были депутаты питерского Законодательного собрания (ЗАКСа), которое и по сию пору располагается в Мариинском дворце. Очень часто я обедал за одним столиком с депутатами, имена которых были широко известны питерцам, и мне в том числе, по многочисленным агитационным кампаниям и телевизионным передачам.

Помимо внешней торговли руководство фирмы занималось какими-то безумными, на мой взгляд, проектами – вроде организации под эгидой «Ленвнешторга» складов-ангаров для хранения ввозимого в город импортного продовольствия. Для изучения вопроса, связанного со строительством и обслуживанием таких ангаров, один из руководителей уезжал на два месяца в Канаду. В конце 1995 года проект был готов, я помог руководителю сделать презентационные слайды. Докладывать о проекте предстояло

самому мэру Питера Анатолию Собчаку. Для этой цели был закуплен дорогуший – за 5000 баксов – самый современный на ту пору ноутбук Toshiba с процессором «486».

Я был взят в Смольный для подстраховки – на случай, если с японским чудом техники или программой презентации что-то случится. В приемной меня и руководителя фирмы встречал нынешний президент России В.В. Путин – в ту пору он был первым заместителем Собчака, председателем Комитета по внешним связям. Его характерное лицо мне уже было знакомо по телепередачам. Мой шеф был сразу проведен в кабинет мэра, и Анатолия Александровича мне увидеть не удалось. Наедине с Путиным я просидел в приемной около часа, пока шел доклад.

Шеф вышел из кабинета заметно раздосадованным – планируемого финансирования из городского бюджета, как я позже выяснил, получить не удалось. После этого «Ленвнешторг» как-то быстро стал загибаться. В марте 1996 года фирма уже не могла платить по счетам за электроэнергию и даже вносить смешную – учитывая престижность здания, в котором она располагалась – арендную плату. В мае весь штат был распущен. Благодаря наработанным связям я практически сразу устроился в схожую организацию, но с окладом уже в 300 долларов.

Фирма «Фудлайн» была организована друзьями – бывшими подводниками. В Финляндии она закупала популярные продукты питания – сыры, йогурты, растворимый и обычный кофе. В Питере они развозились транспортом фирмы по магазинам и ларькам. Сотрудники имели возможность покупать завозимые из-за кордона продукты по оптовым ценам, чем с удовольствием пользовались.

Я был взят в «Фудлайн», чтобы организовать в нем локальную вычислительную сеть. Сам составил план сети, по нему было закуплено соответствующее оборудование. Когда приглашенные специалисты по монтажу сетей сделали свое дело, я настроил требуемую связь между компьютерами и принтерами. На душе отлегло: достаточно приличная сумма, вложенная в оборудование для сети, была потрачена не зря.

В конце 1997 года мне пришлось столкнуться с тем, что в марксистских учебниках называется «звериный оскал капитализма». Работы у единственного программиста фирмы было невпроворот: закупка новой техники, замена картриджей принтеров, установка стандартных программ, написание программ под нужды менеджеров по закупкам и продажам. Руководство фирмы вдруг решило расшириться – создать радиостанцию под названием «101». Как-то приходит ко мне генеральный директор и предлагает бесплатно поработать еще и на установке компьютерного оборудования для радиостанции. За счет основного – дневного – времени я бы охотно согласился. Но бесплатно работать вечером – с переездами и за счет времени на отдых – это была бы уже «эксплуатация». «У советских – собственная гордость» - в ответ на ультиматум я подал заявление об увольнении.

Отдыхать мне пришлось недолго. Специалисты по информационным технологиям – это люди, в большинстве своем востребованные на рынке труда. Работа сама нашла меня, и какая – до сих пор вспоминаю ее как один из самых счастливых периодов в моей жизни!

С коллективом отдела палеонтологии – Санкт-Петербург, 1998 год

В полукилометре от моего дома расположено красивое здание Геологического института (Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А.П. Карпинского). До 1917 года в нем размещался Геологический комитет Горного департамента Министерства государственных имуществ. Через какого-то моего знакомого ко мне в начале 1998 года обратилась доктор наук, начальница отдела палеонтологии Геологического института с просьбой помочь составить для ПК базу данных палеонтологических находок на территории СССР. По виду найденных окаменелостей палеонтологи дают свои рекомендации по поиску в данном месте тех или иных полезных ископаемых.

Предложенный оклад был немногим меньше тех денег, которые я получал в «Фудлайне», но я несколько не был обижен на судьбу. То был мой первый опыт удаленной работы. Шесть дней в неделю я мог спокойно работать дома, программируя пользовательский интерфейс базы данных. Раз в неделю приходил в институт, чтобы показать сделанное и согласовать следующий этап.

Я программировал базу данных на давно знакомом мне языке Excel Visual Basic, входящим в пакет Microsoft Office. Программирование – это вид творчества, в котором есть и муки от того, что что-то сразу не получается, и экстаз от найденного решения проблемы. В данном случае присутствовало и чувство удовлетворения от того, что работа над проектом приносила вполне приличные деньги.

С начальницей отдела и ее интеллигентными сотрудниками мне было очень приятно беседовать на геологические и исторические темы. Однажды «для расширения горизонтов» я был приглашен на экскурсию в [музей института](#), где на стене висела огромная карта СССР, выполненная из полудрагоценных и драгоценных камней. На месте Москвы сияла большая рубиновая звезда. Я с интересом ознакомился с коллекциями минералов и палеонтологических окаменелостей. Персональную экскурсию провела молодая сотрудница палеонтологического отдела.

Говорят, что счастье – это когда на работу и обратно домой идешь, как на праздник. Увы, счастье работы на Геологический институт продолжалось недолго. В августе 1998 года в стране грянул дефолт, и в связи со вспышкой инфляции финансирование проекта было прекращено. Я успел к тому времени выполнить большую часть запланированного. Интерфейс для добавления данных и получения запросов был готов. Оставалось заполнить кое-какие базовые справочники, а дальше сотрудники отдела могли сами наполнять базу данными о палеонтологических находках. Я успел набросать краткую инструкцию о том, как всё это делать, и с тяжелым сердцем расстался с коллективом отдела палеонтологии.

5.2 Шахматы и налоги

В октябре 1998 года начался новый этап в моей жизни, который продлился 21 год, – работа в налоговых органах. Месяцем раньше, вынужденно прекратив работу на науку, я принял предложение о переходе на службу в налоговую инспекцию по Петроградскому району. С программистом, сделавшим его, мы когда-то вместе трудились в «Ленвнешторге».

Нельзя сказать, что это было предложение, от которого невозможно отказаться. Однако в условиях дефолта хотелось большей стабильности и социальной защищенности, а госслужба их в достаточной степени давала. Привлекал и большой оплачиваемый отпуск, который возрастал с каждым годом по мере увеличения срока госслужбы - он мог достигать до 47 календарных дней.

Сентябрь прошел в ожидании результатов проверки моего досье компетентными органами. И вот я уже осваиваюсь на новом месте. Инспекция находится в центре Петроградского района и в настоящее время. От дома до нее я добирался на транспорте минут за сорок, обратный путь часто проделывал пешком за один час.

Налоговая тематика и терминология мне уже были знакомы. Перед этим я три года помогал маме на домашнем компьютере со сдачей отчетов в налоговую инспекцию – после выхода на пенсию она работала главным бухгалтером в небольшой фирме. В мои функции в инспекции входило обслуживание компьютерной техники и помощь налоговым

инспекторам в проведении операций, которые не могли быть сделаны стандартной программой.

Приходилось работать и с сервером, на котором хранилась главная налоговая база района. В начале каждого месяца с сервера выгружались данные за истекший месяц, их везли на жестком диске в городское налоговое управление. Постепенно, по мере объединения серверов инспекций в единую корпоративную сеть, технология обработки данных стала меняться. К 2016 году, с введением в эксплуатацию единой для всей России базы данных АИС «Налог-3», все операции по учету налогов в инспекциях моментально стали попадать в гигантский дейта-центр, расположенный в Дубне.

С приходом в налоговую службу я, наконец, смог вернуться к активной шахматной игре. Работа в коммерческих компаниях такой возможности не давала, поскольку в них частенько приходилось задерживаться в вечернее время - когда, как раз, и проходят турниры с классическим контролем времени (2 часа на партию каждому).

Основная шахматная жизнь в Петербурге при советской власти и потом десятилетие спустя проходила в городском шахматном клубе имени Михаила Чигорина. Двухэтапные чемпионаты клуба сменялись трехэтапными чемпионатами города, а между ними проходили квалификационные турниры с нормами первого разряда и кандидата в мастера. Осенью и зимой в клубе проходили отборочные соревнования по блицу на приз газеты «Вечерний Петербург».

Я постоянно крутился в этом шахматном водовороте, словно предчувствуя скорый его конец. И действительно, в начале 2000-х огромное помещение клуба было передано шахматной школе олимпийского резерва, и руководство этой школы прекратило доступ в клуб всем желающим. Исключения делались лишь для престижных турниров с участием мастеров и гроссмейстеров.

Ну, а пока еще была возможность совершенствовать свою игру, я ею активно пользовался. Успешно выступив в четвертьфиналах города и полуфиналах клуба (турнирах уровня кандидатов в мастера) я неоднократно выходил в следующий этап – турниры с участием международных мастеров и сильнейших городских кандидатов.

Успеху в турнире способствовала возможность взять на его время оплачиваемый отпуск, чем я всегда пользовался. Отпуск брался по количеству игровых дней – 9 или 11. Подготовка днем к очередному противнику без отвлечения на служебные дела и короткий сон после обеда позволяли сохранить нервную концентрацию, необходимую для напряженного поединка.

В начале 2000-х годов, с приходом к власти моего случайного «знакомца» В.В. Путина, экономическая обстановка в стране стала улучшаться. Летом 2002 года я смог себе

позволить впервые выехать за рубеж – на знаменитый шахматный фестиваль в чешском городе Пардубице с последующей неделей экскурсий в Праге.

В программу фестивалей в Пардубице входит множество турниров по шахматам с разным контролем времени и для разных категорий участников. В главном турнире «А» играют международные мастера и гроссмейстеры. В турнире «В» - кандидаты мастера (кмс) с рейтингом выше любительского (2200) и международные мастера. Турниры шахматистов с рейтингом ниже 2200 имеют статус чемпионата Европы среди любителей. Имея рейтинг порядка 2100, я играл в турнире «С» - для кмс любительского уровня и перворазрядников.

В тот раз я не ставил перед собой особых спортивных задач – пресловутый «воздух свободы» (наконец-то я вырвался за рубеж!) привлекал больше. Меня тогда поразила в Пардубице обстановка праздничного интернационального единения его участников. В небольшой чешский город съехались из многих уголков планеты больше 1000 шахматистов разного уровня игры – от начинающих до сильных гроссмейстеров, пусть и не топ-класса. В компании семейной пары программистов из Берлина, иранца из Дюссельдорфа и одного своего соотечественника я бродил по средневековым улочкам города, попивая чешское пиво в многочисленных барах, и особо не утруждая себя подготовкой к очередной партии.

Иранец два года прожил в Минске и неплохо знал русский. То, что я не мог выразить на английском, он переводил семейной паре сразу на немецкий язык. Выступил в турнире я тогда, тем не менее, достойно, в силу своего рейтинга, хотя в призеры и не попал. Я потом еще дважды, в 2004 и 2009 годах, приезжал на пардубицкие фестивали.

С дипломом за 2 место в турнире по рапиду - Пардубице, 2004 год

В 2004 году мне удалось достичь большого успеха. Турнирам с классическим контролем в тот год предшествовал общий турнир по быстрым шахматам (25 минут на партию каждому). В нем участвовали шахматисты от второго разряда до гроссмейстеров. Я его закончил в большой очковой группе гроссмейстеров, международных мастеров и кмс выше любительского уровня. Меня опередил по дополнительным показателям лишь один кмс-любитель. За этот результат, согласно положению, я получил почетный сертификат вице-чемпиона Европы по шахматам среди любителей. То был, как оказалось, высший результат в моей спортивной карьере – мне удалось сыграть в силу международного мастера.

***Награждение победителей шахматного турнира Спартакиады ФНС
– Москва, 2006 год***

Был и еще в моей жизни турнир, успехом в котором я горжусь, хотя в спортивном отношении он уступает моему успеху в Пардубице-2004. В 2006 году, в возрасте 50 лет, я пережил пока наивысший триумф в отечественных турнирах, завоевав звание чемпиона по шахматам на проводившейся в Москве Спартакиаде Федеральной налоговой службы. Тогда в столицу съехались лучшие шахматисты-налоговики восьми федеральных округов России — 7 кмс и один мастер ФИДЕ. Все противники были моложе меня. Однако мне удалось «молодость» опередить и стать единоличным победителем турнира с результатом 5,5 очков из 7.

Успешное выступление в составе сборной команды Управления ФНС по Санкт-Петербургу (кроме шахмат, в программу Спартакиады входил волейбол, минифутбол, стрельба и еще несколько видов спорта) имело для меня неожиданное, но приятное продолжение. В команде футболистов играл начальник отдела ИТ Василеостровской инспекции. Он предложил мне перейти к нему в отдел переводом из Петроградской

инспекции. Я с радостью согласился: предложенное место работы находилось всего в пяти минутах ходьбы от моего дома – большая экономия времени и денег на транспорт!

До момента ухода из системы ФНС в 2019 году я продолжал оставаться сильнейшим шахматистом Управления ФНС по Санкт-Петербургу, неоднократно и с успехом выступая за команду Управления в различных городских соревнованиях.

5.3 Шахматный турист

Чемпион мира Гарри Каспаров как-то назвал гроссмейстеров и международных мастеров, в силу своего не «топового» рейтинга не претендующих на главные призы в крупнейших шахматных соревнованиях, шахматными туристами. Мне это выражение запомнилось. Подобным «туристом» я чувствовал себя, к сожалению, на двух международных турнирах в Болгарии («Албена-2010» и «Солнечный берег-2011»). В них все участники – от начинающих до гроссмейстеров – играли вместе. Помериться силами с профессионалами, конечно, мне было интересно, но конкурировать с ними в борьбе за главные призы я не был готов.

Поездки на международные турниры я всегда старался сочетать с путешествиями по стране, в которой проходил турнир. По этой причине термин «шахматный туризм» имеет для меня еще один смысл: путешествие по стране пребывания до начала или после окончания шахматных баталий. Трижды участвуя в шахматных фестивалях в Чехии и дважды в Болгарии, я побывал в этих странах с экскурсиями во многих городах, увидел множество достопримечательностей.

Личные впечатления от встреч с новыми странами, городами, людьми не заменят никакие книги и телепередачи. Перемещаясь за границы привычной Ойкумены, мы платим за собственные уникальные эмоции, которые и дают ощущение истинной полноты жизни.

Во всех своих путешествиях я не расставался с фотокамерой. Сделанные снимки позволяют мне вновь пережить встречи с прекрасными местами, памятниками истории, интересными людьми. Лучшие и наиболее значимые материалы я размещаю в фотогалереях на Гугл-фото, снабжая кадры подробными комментариями. Ссылки на эти фотогалереи можно найти на моем сайте [«Путешественник»](#).

6. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

6.1 Две Лиды

Любое жизнеописание будет неполным, если в нем не затронута «так называемая личная жизнь». Словами в заголовке писатель Константин Симонов назвал свой роман в трех частях о жизни военного корреспондента Лопатина.

Сущность любого мужчины, как в зеркале, отражается в его взаимоотношениях с женщинами. Чтобы найти свою половинку, ему иной раз приходится пройти через разочарования, муки неразделенной любви, потерю веры в себя и человечество. И только тогда он может смело сказать, что был счастлив в жизни, если однажды встретила по-настоящему «его» женщина, которой он стал дорог со всеми своими достоинствами и недостатками, и с которой он может не бояться быть самим собой.

Вот уже пять лет со мною рядом находится такая женщина. Мы познакомились очень давно – еще в июне 1978 года. Судьба столкнула нас, только что закончивших обучение в МГУ и сдавших государственные экзамены, в университетском спортивном лагере «Сукко» на берегу Черного моря. При советской власти можно было, купив за 25 рублей путевку в спортлагерь, три недели жить у моря на полном пансионе. Как шахматисту-перворазряднику мне через шахматный клуб путевки выделялись в лучшие спортивные лагеря МГУ (их при университете было несколько). Спасибо И.Е. Ватникову - я с удовольствием ездил на берег Черного моря (под Анапу или в Пицунду) после каждой летней сессии.

Лида с отличием закончила факультет журналистики и была распределена на работу в газету «Советская культура». Оказалось, что математику и гуманитариям было, о чем поговорить – нас объединяли общие устремления к литературе, кино и театру. Лида казалась мне идеалом: ее красота соседствовала с умом, а душевные качества не вызывали у меня ни малейших нареканий.

Через год после знакомства она вдруг решила со мной расстаться: видимо, я тогда еще мало был похож на мужчину, рядом с которым без оглядки можно было рассчитывать пройти всю жизнь. Девушки в жизненном плане развиваются гораздо быстрее своих сверстников, в чем-то они должны быть более расчетливыми. Мне было очень больно, но шахматы и музыка помогли преодолеть хандру.

Братья Губочкины с невестами и мамой, 1981 год

В ночь на новый 1981 год я познакомился в компании друзей со статной красавицей – густые волосы на всю спину, к тому же моей коллегой, выпускницей матмеха ЛГУ. Я в ту пору был «красивистом», по терминологии Льва Ландау: внешняя привлекательность партнерши и взаимное сексуальное влечение вызвали во мне чувства, похожие на любовь. По удивительному совпадению новую знакомую тоже звали Лидой, по девичьей фамилии обозначу ее Лидой С.

Через год мы поженились. Увы, совместный быт в густонаселенной квартире (кроме нас, в ней теснились мама и две моих бабушки) выявил несходство наших характеров. Спустя полтора года после рождения дочки я подал на развод, твердо обещав выплачивать полагающиеся суммы на содержание ребенка.

Как ни странно, наши отношения с Лидой С. после развода улучшились. Сложный характер не позволил ей создать крепкую семью со вторым мужем. Я помогал ей воспитывать и общую дочь, и двух детей от нового брака. Наша дочка выросла умницей. Вобрав математические гены родителей, она с отличием закончила матмех ЛГУ. Сейчас является весьма востребованной как репетитор-консультант по математике – и для школьников, и для студентов.

С московской Лидой мы во многом шли схожими «параллельными курсами». Она довольно быстро после нашего расставания вышла замуж, родила дочку и спустя некоторое время развелась. Я не торопился вновь связывать себя узами брака. Себе я дал обещание не снижать планку требований к возможной избраннице, а эта планка после знакомства с Лидой была достаточно высока.

Спустя годы моя юношеская любовь сама нашла меня через Интернет. Как выяснилось, Лида помнила обо мне все 36 лет, что мы были не вместе, берегла совместные фотографии.

6.2 Встреча с Прохоровыми

Говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. Но есть и такое понятие, как «неотработанная карма». Мы вошли с Лидой второй раз в реку любви, только «выше по течению» – обогащенные жизненным опытом и умением прощать друг другу мелкие недостатки. Окончательно переехать в Москву мне сейчас не дает лишь необходимость ухаживать за моей престарелой мамой – ей в апреле 2020 года исполнилось 90 лет. Однако несколько раз в году мне все же удается побыть с любимой вместе – в совместных путешествиях и приездах в гости друг к другу. Мы ценим каждый день общения «в реале».

Помимо чувств, объединяет нас и общее дело – от приготовления обедов «в четыре руки» до совместного редактирования по заказам издательств книг и журналов. Когда Лида получила в 2019 году от издательства «Согласие» заказ на редактирование книги воспоминаний о покойном академике-математике, она обратилась ко мне за научной консультацией. Я был в шоке от такого невероятного совпадения: речь шла о «Книге памяти» Юрия Васильевича Прохорова, который когда-то прочел три лекции по теории вероятностей моему курсу.

Составителем сборника воспоминаний об академике был его племянник Александр Владимирович Прохоров – тот самый «простой кандидат наук», который принял эстафету из рук «нетрадиционного лектора». Мир оказался невероятно тесен! Лида улучшала стилистику и грамматику статей с воспоминаниями, я делал окончательную их корректорскую правку и проверял фактографию. Подготовка текстов к печати у нас заняла полтора месяца напряженной работы.

На конференции памяти Ю.В. Прохорова 16 декабря 2019 года

К 90-летию академика, в декабре 2019 года, книга воспоминаний вышла в свет. Ее презентация прошла в Москве, на международной конференции по теории вероятностей, посвященной Ю.В. Прохорову. С научными докладами выступали доктора наук и академики – ученики Юрия Васильевича. Мы с Лидой на этой конференции тоже присутствовали. Александр Владимирович поблагодарил нас за отлично проделанную работу и подарил по экземпляру книги со своей памятной надписью.

Разделенные сложной коронавирусной обстановкой, в 2020 году мы с Лидой вынуждены больше видеться в Скайпе, чем смотреть друг на друга «в реале». Однако нас по-прежнему не покидает убеждение, что долгий путь навстречу был пройден не зря, и закат нашей жизни, осененный любовью, должен выдаться не столь печальным, как то предполагал великий А.С. Пушкин.

7. МЫ УЧИМСЯ, ПОКА ЖИВЫ

Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

7.1 Шахматный учитель компьютер

Оглядывая пройденный шахматный путь, я как-то задумался. У профессиональных шахматистов пик достижений приходится на возраст 25 - 35 лет. В 40 лет они потихоньку «уходят с базара», переходя на тренерскую работу или к иному, не шахматному, виду

деятельности. У меня же лучшие спортивные достижения пришлось на возраст в 50 лет. Почему?

Ответ на этот вопрос, мне кажется, связан с тем, что в середине 2000-х годов сила шахматных программ возросла настолько, что они перестали быть для квалифицированного шахматиста просто спарринг-партнером. Они стали его полноценным учителем, который может показать все ошибочные ходы, приведшие к поражению в партии, и подсказать вместо них лучший ход. И не мудрено: к тому времени главные шахматные программы приобрели такую мощь, что с ними не могли справиться даже чемпионы мира. В области дебютной теории компьютеры стали находить доселе скрытые (ранее не рассматривавшиеся) ходы и целые системы, которые обескураживали даже весьма квалифицированных шахматистов, столкнувшихся с ними во время игры.

Общаться с компьютером, предлагая ему для проверки все новые и новые варианты, оказалось гораздо удобнее, чем с книгой, где приводятся лучшие ходы по достаточно узкому кругу вариантов. Вот почему учеба с применением компьютера мне показалась гораздо удобнее и эффективнее, чем с бумажным учебником, и я этим методом стал активно пользоваться. Когда мне было только под 40, сила лучших шахматных программ находилась еще на уровне кандидата в мастера, и потому обучаться с их помощью приходилось с определенной долей скепсиса и осторожности.

Как несомненный результат влияния компьютера на шахматный рост можно отметить ускорение созревания юных шахматистов до профессионального уровня. В 2011 году я принял участие в [шахматном фестивале](#), проводившемся в древнем Пскове. В одном здании, параллельно с главным рейтинговым турниром, шли отборочные соревнования к финалам России для детей «до 8 лет», «до 10», «до 12» и «до 14». Здесь я вживую увидел несколько шахматных акселератов - восьмилетних перворазрядников, их там было с полдесятка. А ведь будущий чемпион мира Анатолий Карпов стал перворазрядником лишь в 9 лет, кандидатом в мастера – в 12. На турнир приехал 10-летний кмс Гриша Малышев из Великих Лук (второй по величине город в Псковской области). Он не стал играть с детьми - боролся со взрослыми кмс и мастерами в главном турнире "А", где набрал в итоге 50% очков.

Гроссмейстер Александра Мальцевская в 2019 и в 2011 годах

Девочки и мальчики одной возрастной группы играли вместе. И, надо сказать, на равных: в двух турнирах победил «сильный» пол, в двух - «слабый». Восемилетняя Саша Мальцевская заняла второе место в турнире «до 10 лет», уступив лишь бронзовому призеру чемпионата мира «до 10» восьмилетнему перворазряднику Кириллу Шевченко из Киева (на фотографии он играет белыми на втором столике).

Кирилл играет в шахматы с трёх лет. В 2012 году, в 9 лет, он стал кандидатом в мастера, в 13 лет — международным мастером, а в 15 - уже гроссмейстером. В 16 лет, еще не имея звания международного мастера, Мальцевская стала первой на чемпионате мира среди юниоров (девушки до 20 лет), проходившем в Турции. За этот результат ей сразу, через ступень, было присвоено звание женского гроссмейстера.

Турнир «до 8 лет» на фестивале выиграла 8-летняя перворазрядница из Ленинградской области Лиза Соложёнкина. В 13 лет она уже стала женским международным мастером. В 2019 году, в возрасте 16 лет, получила «бронзу» на юниорском чемпионате мира, где успешно сражалась с девушками старше ее на 4 года!

Не факт, что все эти юные «звездочки» превосходят по уровню таланта Анатолия Карпова. Не факт, что кто-то из них, как Карпов, станет чемпионом мира. Но несомненно, что тренеры, которые с ними занимаются, используют для их стремительного шахматного роста современные компьютерные программы.

7.2 Развиваясь онлайн

В 2016 году мне исполнилось 60 лет. На следующий год, предчувствуя, что работа в оффлайне - в системе ФНС - скоро закончится, я решил овладеть какой-нибудь профессией, дающей возможность зарабатывать во Всемирной сети. Во время работы в отделах информационных технологий мне постоянно приходилось изучать и внедрять новшества, которые спускало на районные инспекции городское Управление ФНС. Так что изучить еще что-то из компьютерных технологий мне не представлялось чем-то архисложным.

Так в конце 2017 года я закончил курс обучения по теме «Менеджер YouTube» в Академии Интернет-профессий №1 Александра Балыкова. Несмотря на то, что наш преподаватель Александр Гасс рекомендовал сразу искать заказчиков, я не решился, не набрав опыта по продвижению роликов и каналов популярного сервиса в топ поисковых выдач, предлагать свои услуги. Через полгода такой опыт был приобретен – мне удалось оптимизировать канал и два ролика Северо-Западного института повышения квалификации ФНС России, где я в то время работал. По ключевому запросу «камеральные налоговые проверки» ролики поднялись «из глубин» в «призеры» Ютуба. Один из них уже больше двух лет гордо занимает в поисковых выдачах первое место. За успех в рекламировании услуг института его руководство наградило меня почетной грамотой и денежной премией.

Сертификат менеджера YouTube, 2017 год

В Академии №1 нас учили, что для лучшего продвижения ролика полезно перевести важный кусок речи в нем говорящего в текстовый формат и разместить полученный текст в описании ролика. С этой целью я освоил профессию транскрибатора. Чтобы

рекламировать свои умения в транскрибации (переводе аудио- и видеозаписей в текстовый формат) и оптимизации роликов, я научился создавать сайты на платформе WordPress, попутно освоив основы их seo-продвижения. Сейчас мой [сайт-портфолио](#) по работе с текстами практически готов. В 2020 году я начал проходить обучение в проекте «Одна семья» - с целью научиться писать тексты для сайтов и снимать ролики уже по всем правилам блогерского искусства.

С приходом в нашу страну коронавируса всё больше людей устремляются за заработком в интернет, конкуренция за привлечение платежеспособного покупателя с каждым годом растет. Останавливаться в профессиональном росте в таких условиях – значит обрекать себя на поражение. И потому я вынужден согласиться с мыслью одного китайского школьника, которая становится популярной и в нашей стране: «Мы учимся, пока живы, и будем учиться, пока не умрем». Постоянно учиться – это и тренировать свой мозг, и быть в тренде передовых информационных технологий. Но я бы вот, что еще добавил к мысли китайца: обучаясь, необходимо попутно делиться полученными знаниями и опытом и создавать полезные для других ценности.

2 комментария

Александра Каменщикова

Потрясающе интересная обычная необычная биография! Спасибо автору - стиль и слог замечательные плюс прекрасные фотографии. Буду читать и перечитывать. Правда часто ярче и увлекательнее вымысла, и биография автора это подтверждает. Чего только стоят встречи автора с Юрием Гагариным и Владимиром Путиным! А история жизни первой учительницы автора! Материал богатый и чрезвычайно интересный! Рекомендую к прочтению!

Вячеслав Губочкин

Спасибо, Александра! Я не слишком тщеславен. Встречи с Гагариным и Путиным - что было, то было, но и не более того. По-настоящему запоминаются моменты счастья, когда человек в чем-то смог превзойти себя. Таковы были мои два математических инсайта и два шахматных успеха, о которых я рассказал в статье. Вот эти четыре момента счастья мне по-настоящему дороги, и я могу гордиться тем, что они были в моей судьбе.